

Л. В. Садовникова

**КАМЧАТКА – ПРЕДМЕТ РАЗМЫШЛЕНИЙ
ГЕОРГА ГЕНРИХА ФОН ЛАНГСДОРФА
(к 250-летию со дня рождения учёного)**

Публикация основана на частичном переводе двухтомного труда немецко-российского исследователя, натуралиста и этнографа, члена-корреспондента (1803) и экстраординарного академика (1812) Петербургской академии наук Георга Генриха фон Лангсдорфа «Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах» о кругосветном плавании на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна. Исследование Камчатки в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Камчатка, немецкие учёные, Лангсдорф, план реформ на полуострове, описание Камчатки.

L. V. Sadovnikova

**КАМЧАТКА – THE SUBJECT
OF GEORG HEINRICH VON LANGSDORFF'S THOUGHTS
(to the 250th anniversary of the scientist's birth)**

The publication is based on a partial translation of the two-volume work of the Russian explorer, naturalist and ethnographer, corresponding member (1803) and extraordinary academician (1812) of the St. Petersburg Academy of Sciences Georg Heinrich von Langsdorff "Observations during a trip around the world in 1803–1807" about the circumnavigation of the the ship "Nadezhda" under the command of I. F. Krusenstern. Exploration of Kamchatka in the first half of the 19th century.

Keywords: Kamchatka, German scientists, Langsdorff, reform plan on the peninsula, description of Kamchatka.

18 апреля 2024 г. исполняется 250 лет со дня рождения немецко-российского исследователя, натуралиста и этнографа, члена-корреспондента (1803) и экстраординарного академика (1812) Петербургской академии наук Георга Генриха фон Лангсдорфа. В связи с этим событием было бы непростительно не вспомнить учёного, который в первом русском кругосветном плавании на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна трижды ступил на камчатскую землю. В своём двухтомном труде «Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах» (1812) 80 страниц из 638 он посвятил Камчатке.

Книга Г. И. Лангсдорфа переводилась на разные языки и выдержала ряд изданий. На русский язык она, к сожалению, не переведена. Фонд культуры народов Сибири, основанный в 2010 г. и находящийся в Германии, напечатал и издал главы из двухтомника Лангсдорфа, касающиеся Камчатки, на литературном немецком языке (Hochdeutsch). К сожалению, я нашла эту книгу уже после того, как сделала перевод с фактуры (острое письмо с ломаными очертаниями) – одной из рукописных разновидностей готического письма, возникшего в XVII–XVIII вв. и использовавшегося до XX в.

Кстати, первым рукопись обнаружил Б. П. Полевой, который познакомил с ней Б. Н. Комиссарова, проявившего глубокий интерес не только к книге, но и к личности учёного. Борис Николаевич был автором Международного культурно-экологического проекта «Лангсдорф – XXI век» и мечтал совершить путешествие по Камчатке «по следам» учёного.

В память об этих людях я снова обратилась к книге Лангсдорфа и нашла много подтверждений участия академика в реформировании Камчатки.

«В 1808 г. Лангсдорф изложил свои предложения императору Александру I в записке "Камчатка и её улучшение". Ответа он не получил. В 1826 г. записка была найдена в кабинете покойного императора в Зимнем дворце, т. е. через год после его смерти.

В октябре 1810 г. Лангсдорф представил свой план реформ на полуострове в Петербургской Академии наук. За свой труд учёный получил орден Св. Анны II степени и был назначен членом "Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей". Трудно сказать, были ли учтены предложения Лангсдорфа или просто настало время перемен, тем не менее, с 1812 г. реформа

управления полуостровом начала осуществляться» [4].

Первое знакомство Лангсдорфа с полуостровом состоялось 15 июля 1804 г. (в год его 30-летия), когда корабль «Надежда» по пути в Японию с дипломатической миссией зашёл в Авачинскую бухту с целью пополнения запасов продовольствия.

Всегда любопытно увидеть свою землю глазами человека, впервые побывавшего не только здесь, на Камчатке, но и вообще в России.

Итак, «13 июля 1804 г. утром швейцарец с мачты закричал, что видит землю; это сообщение прозвучало как “гром среди ясного неба”; после нашего пятимесячного морского путешествия наконец-то снова ступить на сушу, притом на отечественную землю! На следующий день ничто не мешало нам двигаться дальше и мы с надеждой смотрели на подножие горы Шибунский Нос 53°06' северной широты и 200° восточной долготы, вблизи которой находилась долгожданная гавань Святых Петра и Павла.

Высокие горные хребты, покрытые снегом вершины и огнедышащие горы придавали полуострову своеобразный вид; и поскольку лето было уже в разгаре, то едва верилось, что перед нами – действительно снег, который покрывал вершины гор.

Хотя поначалу нас отпугнуло и поразило это зрелище, а также плохие предубеждения, которые люди вообще питали к Камчатке, наше настроение улучшалось по мере приближения к берегу. 15 июля утром поднялся довольно свежий и благоприятный ветер, и нас поразили своей грацией и красотой подножия гор, покрытые зелёными лесами.

Около полудня мы были у входа в большую бухту Авача, в которую мы без труда смогли войти благодаря точным расчётам Кука и Сарычева.

Едва мы достигли просторной Авачинской бухты, мы увидели бат с офицером на борту, гребущий к нам; он сообщил о том, что нас давно ожидают. Он тут же поспешил в расположение Святого Петра и Святого Павла, откуда нас приветствовал грохот канонады, на который мы отвечали тем же количеством выстрелов. В час дня мы бросили якорь, после чего 35 дней не покидали бухту.

Петропавловск расположен в северной части Авачинской бухты, в узкой долине, окаймлённой с севера большим озером с пресной водой, на берегу небольшой гавани в заливе, отделённом от неё естественным, и совершенно

защищённым от бурь и ветров, мысом. На этом месте стоят около 30 домов, все из дерева, и, как и повсеместно по всей Российской империи, из положенных друг на друга брусьев или стволов деревьев. Здесь проживают около 150 солдат и отряд артиллеристов, несколько казаков и комиссионер Российско-американской торговой компании; а также священнослужитель, несмотря на то, что церкви нет. По свидетельствам моряков, пристань принадлежит к лучшим из известных, и это вполне вероятно, т. к. растущая промышленность и торговые связи с Китаем, Японией, Америкой, Алеутскими и другими островами Южного моря обещают превратить Петропавловск в торговый центр и процветающий город. Климат Камчатки лучше, чем между теми же градусами широты в Сибири; но в самой Петропавловской гавани холоднее, чем в других северных районах полуострова.

Морские перевозки возможны от 7 до 8 месяцев, позволяя судам выходить и заходить сюда с апреля по ноябрь. Залив полностью никогда не замерзает; это происходит крайне редко и то частично. Хотя в окрестностях гавани снега больше, чем в других районах, и дома невысокие порой полностью покрыты снегом, снег рано тает и быстро впитывается в слегка промёрзшую землю. В конце апреля, самое большее при очень холодной погоде в начале мая, можно рассчитывать на весну, и выпускать на травяное пастбище немногочисленный рогатый скот. Сельским хозяйством занимаются здесь мало. Утверждают, что морской воздух мешает выращиванию зерна; я же думаю, что это просто предлог, т. к. картофель, свёкла, редька и другие овощные культуры вопреки всему весьма превосходно растут, за ними требуется лишь бережный уход. Правда, нас заверили, что сельское хозяйство внутри страны, а именно в Верхнекамчатске и Ключевской, делает успехи, и те же растениеводство и животноводство с каждым годом увеличиваются.

В Петропавловске нас принял комендант этого населённого пункта, майор Крупской, так хорошо, насколько позволяли положение и обстоятельства. Главнокомандующий полуострова и командир батальона генерал-майор Кошелев здесь не проживает, а находится в Верхнекамчатске, который удалён отсюда на 700 вёрст и считается столицей провинции. Посол при японском дворе господин Резанов под предлогом того, что ему непременно нужно переговорить с генералом, сразу же отправил к нему курьера с поручением при первой воз-

возможности прибыть в гавань. Это обстоятельство сулило существенную потерю времени и внесло значительное изменение в наше дальнейшее плавание.

Капитан Крузенштерн начал выгружать товары, привезённые из Кронштадта на Камчатку, оставив на борту подарки для дипломатической миссии, проще говоря, для японцев, чтобы ни в коем случае у этой недоверчивой нации не возникло подозрение, что наша экспедиция имеет торговые цели...

В компании с несколькими попутчиками мы посетили маленькую деревеньку Авача в 12 верстах от Петропавловска, состоящую из пяти домов и 30 человек. Здесь живут только камчадалы, которые кормятся охотой и рыбалкой, и два инвалида. Деревня Паратунка, проповедник и жители которой известны по описаниям путешествий Кука и Лаперуза, и жившие в ту пору в большом процветании, почти полностью вымерла. Также со времён тех достойных мореплавателей очень изменилось и политическое устройство, вместо Большерецка столицей стал Нижнекамчатск, вместо гражданской администрации – военное правительство.

Император Павел хотел контролировать постоянно растущую депопуляцию и послал сюда около 10–12 лет тому назад батальон из 800 человек из Иркутского полка, чтобы, как разнообразность сельского ополчения, обеспечивать сельское хозяйство и культуру. Намерение было самым хорошим, но, как это зачастую бывает, помешали какие-то обстоятельства. Со значительными затратами войска были доставлены и с ещё большими издержками размещены. Они были из Иркутска (расстояние около 6 тыс. вёрст), все обеспечены, одеты и снабжены боеприпасами; однако здесь им нечего было делать, как стоять в карауле и охранять вверенные им магазины. Ленивые, медлительные, совершенно ничего не понимающие в сельском хозяйстве, за несколько лет они принесли гораздо больше вреда, чем пользы, и стали для камчадалов в тягость, так как полностью использовали несчастное коренное население, что явилось причиной физического и морального истощения этой нации. Вот что произойдёт, если мудрое правительство в ближайшее время не пойдёт по другому пути: бедные добродушные туземцы, численность которых сократилась с 10 тыс. до 3 тыс. душ, постепенно полностью исчезнут.

12 августа в Петропавловскую гавань прибыл, наконец, давно и с нетерпением ожидаемый генерал Кошелев. Он привёз с собой своего

младшего брата и капитана Федорова вместе с 60 солдатами, часть из которых должна была сопровождать посла Резанова в Японию.

С прибытием господина генерала в Петропавловской гавани стало намного оживлённее и жизнерадостнее. Мы получали больше мяса вместо рыбы, которая начинала надоедать. Для нас пригоняли волов, забивали диких баранов, северных оленей. Мы были счастливы увидеть в лице генерала человека, который поддерживал нашу команду, делился с нами интересными новостями о положении дел на полуострове, с дружеской вежливостью и большим усердием предоставлял нам различные продукты питания. Благодаря его любезному вмешательству, нас снабдили несколькими живыми быками, значительным запасом солёной рыбы, среди которой была чавыча, особый вид лосося, отличающийся своим превосходным вкусом. Овощи, баранов, засолённых гусей и другие продукты нам привозили из отдалённых местностей и это подтверждало, что Камчатка не так бедна, как обычно полагают.

В конце августа все было готово к отплытию. Корабль вышел из гавани в Авачинскую бухту, но из-за неблагоприятных юго-восточных ветров и густого тумана вынужден был задержаться до 6 сентября. Утром 7 сентября мы покинули гавань и продолжили путешествие в Японию с дипломатической миссией» [1, с. 173–179].

Как известно, миссия пребывала вблизи Нагасаки более полугода под строгим, почти тюремным надзором: ни торговых, ни дипломатических связей установить не удалось. «Надежда» с русским посольством на борту вернулась в Петропавловск.

Второе пребывание Лангсдорфа продлилось недолго, а точнее с 5 по 14 июня 1805 г., всего 10 дней.

«4 апреля 1805 г. издали мы увидели очертания Авачи. Близлежащие берега с их окрестностями ещё не были видны, но уже имели дружелюбный и приятный вид, как и в прошлом году, хотя вершины гор ещё были покрыты снегом. Во второй половине дня около 5 часов вечера мы благополучно бросили якорь в бухте святых Петра и Павла, где нас тут же порадовали письмами близких и друзей.

Из газетных новостей, полученных нами, была, бесспорно, самая громкая, важная и неожиданная: кайзером Франции назначен первый консул Бонапарт» [1, с. 299].

«Вскоре после нашего прибытия в гавань святых Петра и Павла были внесены существенные изменения в план нашего путеше-

ствия. Дипломатическая миссия в Японию закончилась, и камергер Резанов принял твердое решение тотчас по суше ехать в Санкт-Петербург, чтобы лично доложить Его Величеству Императору о ходе миссии. Но несколько писем, которые он получил накануне, внезапно изменили его решение: он намеревался посетить Алеутские острова, северо-западное побережье Америки, и вообще, самые предпочтительные и отдалённые владения и их поселения в качестве полномочного представителя Российско-американской торговой компании. Господин надворный советник Тоссе, кавалер дипломатической миссии, был отправлен в Петербург курьером с донесением о результатах миссии, а господин Крузенштерн должен был находиться на полуострове до тех пор, пока посыльный вернётся на Камчатку. Следовало не терять времени разгрузить, т. е. освободить от лишних вещей (особенно тех, что были предназначены японцам в качестве подарков) корабли, которые были оставлены 26 мая этого года с целью исследования северного побережья Чоки до истока Амура, и затем вернуться на Камчатку, чтобы запастись продуктами питания для дальнего путешествия в Кантон.

Капитан Федоров и лейтенант Кошелев остались на Камчатке, где они продолжили свои прежние службы; а господин майор Фридрих, который между тем проявил большой интерес лучше узнать отдалённые от главного города провинции и географически изучить побережье Чоки, принял решение поехать в Нижнекамчатск с лейтенантом Кошелевым (братом коменданта), чтобы пользуясь случаем, до возвращения корабля побывать в глубине этого удивительного полуострова и затем с капитаном Крузенштерном вернуться в Европу.

Послу Резанову должно быть были совершенно безразличны предпринимаемые вылазки по сырым, невозделанным и неприветливым окрестностям северо-западной Америки, и он предложил мне сопровождать его в качестве доктора и натуралиста. Итак, мне был предоставлен выбор – вернуться в Европу на корабле с нашим любезным командором Крузенштерном через Чоку, Кантон и Святую Елену или принять многообещающее предложение и письменно заверенные обещания плыть во владения Российско-американской компании, проще говоря, на Алеутские острова и северо-западное побережье Америки, затем вернуться по суше через северо-восточную Азию, т. е. через Сибирь... Мой выбор был осложнён во многих отношениях некоторыми обстоятельствами, но,

в конце концов, я склонился в сторону Америки, т. к. чувствовал себя виноватым, что слишком отдалился от науки, я не мог упустить это совершенно необычное и редкое путешествие, чтобы восполнить упущенное» [2, с. 7–8].

26 августа 1805 г. бриг «Мария», на котором находился Лангсдорф, после остановок на островах Св. Павла, Уналашка и Кадьяк пришёл в Новоархангельск (Ситка). Здесь путешественников застала зима. Припасов не хватало, условия жизни были крайне тяжёлыми.

Новоархангельск Лангсдорф покинул 19 июня 1806 г. и направился на Камчатку. В середине сентября учёный уже в третий раз прибыл в Петропавловск.

Зимовку 1806–1807 г. путешественник использовал для всестороннего изучения полуострова. Больше всего Лангсдорфа заинтересовала езда на собаках. Он стал внимательно изучать этот способ передвижения. 15 января 1807 г. Лангсдорф отправился в длительную поездку по Камчатке. Значительную часть пути он проделал на санях с упряжкой из 13 собак, которыми большую часть пути управлял сам. Об этом уже писалось в статье «По Камчатке на собачьих упряжках» (глава 14) [3, с. 47–61].

Глава 13 его труда полностью посвящена описанию Камчатки: климат, земледелие, животноводство, продукты, млекопитающие, птицы, рыбы, ягоды, корни, лесные уголья.

«25 сентября 1806 г. мы вошли в гавань Св. Петра и Павла. Как только мы стали на якорь, нас принял комиссар Российско-американской компании с приятным известием, что у него в настоящее время имеется около 600 пудов ржаной муки и значительный запас чая, сахара, масла, коньяка и т. д. Предложение его услуг, перечисление имеющихся продуктов и заверения, что теперь можно поймать много рыбы и экипаж будет обеспечен продовольствием, звучали как самая прекрасная мелодия, за что мы благодарили Провидение.

С 13 июня 1805 г., за время моего отсутствия, в управлении компании произошли значительные перемены: комиссар Вичезов, руководивший делами в течение нескольких лет, был, наконец, арестован и передан суду за мошенничество. Его должность была отдана барону Мясникову, которого все жители хвалили как очень справедливого и честного человека, и который всю зиму относился к нам самым дружелюбным образом.

При следующей исходящей почте я счёл своим долгом сообщить о своём прибытии комен-

данту Камчатки генерал-майору Павлу Ивановичу Кошелеву и попросить у него разрешения совершить первый санный пробег до Нижней Камчатки, его резиденции, и оказать мне любую помощь, которая может понадобиться в этом деле.

Тем временем мы с мистером Д. Вольфом арендовали частное жилье и обосновались на зимовку на Камчатке» [2, с. 214–216].

«Учёные, исследовавшие Камчатку, командующие, прожившие здесь по многу лет, мореплаватели, познакоившиеся с этой страной поближе, обращали внимание на хороший климат и изобилие продуктов, которыми этот полуостров отличался от многих других губерний России; однако эта страна совершенно невинным и непонятным образом приобрела довольно плохую репутацию, потому что люди, вопреки всему, совершенно невольно и без всяких на то доказательств, говорили о плохом климате и неслыханных холодах на Камчатке.

Я подозреваю, что мысль о холоде, господствующем в Сибири, ввела многих в заблуждение, что Камчатка должна быть намного холоднее, потому что она намного дальше, чем Сибирь, не принимая во внимание географическое, крайне южное положение, а просто делая выводы, исходя из описания этой земли.

Может быть меня можно упрекнуть в особенно хорошем отношении к Камчатке или заподозрить, что я только что пережил здесь необычайно мягкий год, и поэтому заговорил о преимуществах полуострова, я же ограничусь наблюдениями нескольких учёных и отсылаю вас к самым разным людям, чьи знания и беспристрастное отношение, безусловно, заслуживают всяческого доверия.

Крашенинников и Стеллер находятся на вершине среди писателей-путешественников, как бывалых, так и современных. Но кроме них можно найти очень интересные комментарии о положении и природе этой страны в третьем путешествии Кука, у Лаперуза, Лессепса, Палласа, Сарычева, Зауэра, Циммермана, Крузенштерна и других...» [2, с. 217–218].

«Климат Камчатки, по моему твердому убеждению, перекликается с северной Европой той же широты, и жители этого полуострова при целесообразном устройстве дел смогли бы с избытком удовлетворять свои потребности за счет изобилия местного продовольствия.

На Камчатке в большом изобилии имеются млекопитающие, птицы, рыбы, плоды, а точнее ягоды многих видов, съедобные травы и корни,

а также величественные высокогорные леса» [2, 221–223].

Лангсдорф подробно описывает животный и растительный мир, практическое использование их коренными жителями. Приведу несколько примеров:

«Северный олень, более редкий вид, часто встречается в диком и домашнем виде. Все богатство коряков, ближайших приграничных соседей камчадалов, состоит во владении большим или меньшим стадом этих животных, используемых для всех жизненных нужд, а именно для одежды, еды и жилья. Раньше на западном и северо-западном побережье полуострова были многочисленные стада домашних оленей, но их часть продали, часть расхитили с целью получения прибыли. Нынешний командующий генерал-майор Кошелев, убеждённый в важности и полезности этих животных, вновь начал закупать для казны новые стада у кочующих приграничных соседей. Если следовать этому правилу, то одно только разведение оленей сможет через несколько лет обеспечить полуостров достаточным количеством здорового и вкусного мяса, и, таким образом, этой хорошей пищей поддерживать здоровье жителей. Осуществить эту меру тем проще, что коряки каждый год объезжают полуостров со своими стадами и продают камчадалам многие сотни оленей, тушами или живьём, по желанию...

...В качестве домашних животных особого упоминания заслуживают крупный рогатый скот, лошади, северные олени и собаки.

Собаки, несомненно, являются самыми полезными домашними животными на этом полуострове и, даже при большом количестве лошадей, имеют предпочтение перед любыми другими животными в качестве тягловых.

Обилие вкуснейшей рыбы на этом полуострове невероятно и превосходит всякое воображение. Другую пищу камчадалы почти не знают; они едят её свежей, солёной, замороженной, сушёной, копчёной, сырой, вареной или жареной. Медведи и собаки, лисы и волки, речные выдры и тюлени, болотные и хищные птицы многих видов – все питаются рыбой» [2, с. 223–226].

«На всех этих фактах основано моё твёрдое убеждение, что Камчатка есть земля, пригодная для возделывания, и что климат этого полуострова далеко не так суров, как принято думать; напротив, я склонен утверждать, что немногие губернии России имеют подобное множество всех необходимых для жизни вещей, и что камчадалы при изобилии своих националь-

ных продуктов могли бы жить гораздо богаче, чем многие европейские народы в более мягком климате.

Благодаря указам, недавно изданным нашим монархом, и созданию специального комитета, который призван расследовать злоупотребления и вносить предложения по улучшению жизни населения, были предприняты наиболее важные шаги к лучшему восприятию этого полуострова, и определены средства, призванные исправлять недостатки, выявлять потребности Камчатки и её жителей, для чего необходимо развивать торговлю и промышленность» [2, с. 232].

Лангсдорф долгое время буквально грезил Камчаткой.

«Моё теперешнее положение и будущее назначение весьма неопределённые, – писал Лангсдорф Крузенштерну спустя две недели после приезда в Петербург, – родственники зовут меня в Германию, многие – в Академию, другие – в Москву, генерал-губернатор Сибири – на Камчатку. Я буду ждать, что сделает для меня Румянцев, и это приведёт меня к дальнейшему решению» [5, с. 74–75].

Перспектива связать свою жизнь с Камчаткой была для Г. И. Лангсдорфа весьма реальной. Но на Камчатку он не вернулся. Свя-

зано это с его российской миссией в Бразилии: сначала генеральным консулом в Рио-де-Жанейро (1812–1820), а затем по личному назначению Александра I руководителем научной экспедиции во внутренние районы Бразилии (1821–1829). 17 лет своей жизни он посвятил Бразилии. В общей сложности 28 лет он отдал российской науке (1803–1831). В 1828 г. учёный заболел острой формой малярии, приведшей к нервному расстройству и потере памяти. По совету врачей в 1830 г. он вернулся в Европу, в 1831 г. ушёл в отставку с сохранением пенсии, которую Академия продолжала выплачивать ему до самой смерти. Умер Григорий Иванович в 1852 г. в Германии.

Было бы не совсем корректно связывать начавшиеся в 1812 г. реформы на Камчатке с именем одного Лангсдорфа. Практически каждый учёный, побывавший на полуострове, так или иначе воспроизводит жизнь Камчатки того времени. Описания Лангсдорфа подкупают его добросердечным отношением к коренному населению, его желанием улучшить их положение, быт, сохранить их нравы и обычаи. Об этом наглядно свидетельствует глава 16 знаменитого труда Г. И. Лангсдорфа, которую я планирую перевести в следующий раз.

1. *Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803–1807. Band 1. Frankfurt am Main, 1812.* URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/12385591> (дата обращения: 15.03.2024).
2. *Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Band 2. Frankfurt am Main, 1812.* URL: <https://digital.bbm.usp.br/handle/bbm/4326> (дата обращения: 15.03.2024).
3. *Federhofer M.-Th., Ordubadi D. Forschungsreisen auf Kamtschatka / Auszüge aus den Werken. Kamtschatka. Aus Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Frankfurt am Main, 1812. Bd. 2. S. 217– 284. Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. 2011. S. 37–81.*
4. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К. Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. 17 : Страны и народы бассейна Тихого океана. С. 86–119.*
5. *Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Морской сборник. 1869. № 7.*